

Подобные же контрабандные мероприятия вельмож можно отметить и при торговле скотом. Отдельные торговцы скотом, желая избежать контроля государства, в особенности тяжелых рыночных сборов в пользу казны, входили в соглашения с „архонтскими лицами“. Вельможи разрешали скрывать скот в своих дворах и производить там тайную торговлю. „Книга эпарха“ запрещает подобные сделки.¹

Могущественные „дома“, однако, имели право продавать готовые одежды вестиипрапам, т. е. цеховым торговцам шелковыми одеждами. При этом „архонты“ в „Книге эпарха“ упоминаются наряду с профессиональными торговцами шелковыми тканями — серикопрапами.² Непосредственная продажа „архонтскими лицами“ потребителям, видимо, запрещалась.

Можно считать установленным, что Лев VI враждебно относился к попыткам крупных землевладельцев, имеющих „дома“, стать конкурентами местных цехов. *ἄρχοντες* и *πρωτότοι* не имели права, по крайней мере в Константинополе, организовывать у себя производство на рынок, но могли иметь свои мастерские из людей своей familia (в пределах *οἴκου*, т. е. для „собственной потребности“), причем излишки должны были продаваться исключительно цеховым торговцам, а не на рынок.³ Эти постановления были в духе новелл императоров Македонской династии X в. В деревне византийское правительство в интересах городской знати стремилось сохранить свободное крестьянство, в городе — цеховое ремесло и торговлю. Это было необходимо для укрепления могущества византийского государства и правящей прослойки константинопольской знати.

Упомянутый выше Р. Лопец⁴ считает, что „Книга эпарха“ — памятник, явившийся результатом компромисса между знатью и купечеством. Лопец полагает, что все запреты, относившиеся к знати, были настолько же безрезультатными, насколько тщетными были попытки сдержать рост крупного землевладения. Однако утверждения Лопеца не могут быть приняты. В деревне византийское правительство потерпело неудачу потому, что крестьянство, в защиту которого, как объяснялось, были направлены новеллы X в., тем не менее не привлекалось к охране своих интересов. Наоборот, в городе ремесленники и торговцы были включены в аппарат контроля за выполнением постановлений „Книги эпарха“.

Р. Лопец считает, что в X в., когда правила „Книги эпарха“ были в силе, „знатный“ — вельможа — имел больше возможностей стать „капиталистическим“ предпринимателем, чем член частной „гильдии“. В руках знатного было собственное сырье и дешевая рабочая сила — рабы. Однако, прибавляет Лопец, сомнительно, чтобы „феодалный лорд“ (так называет Лопец лиц „архонтского состояния“) мог иметь „предпринимательский дух“ (business spirit).⁵

Можно согласиться с тем, что некоторые возможности предпринимательства имелись у знатных лиц, но, добавляем, для этого нужно было бы использовать цеховую систему, иметь подставных лиц в цехах и т. д. Вне цеховой системы иметь „предприятие, работающее на рынок“ было почти невозможно. С другой стороны, самое понятие „знат-

¹ „Если кто из свиноговцев будет уличен в том, что скрывает свиней во дворе какого-либо вельможи и там тайно продает их, подлежит наказанию“ (Кн. Эп. XVI, 4).

² Кн. Эп. IV, 2.

³ „Вестиипрапы покупают одежды или от сановных лиц“ (там же).

⁴ R. S. Lopez. Speculum, t. XX, 1, 1945, p. 16.

⁵ Ibid., p. 20.